

Валентина ЕРМОЛАЕВА

Космизм и экологическая этика

Пусть извинит меня читатель, ожидающий, что речь пойдет о нормах поведения о кодексах, предписывающих человеку, как вести себя в Космосе, чтобы не разорить в конце концов всю нашу Галактику или не сделать явью кошмары фантастов о гибели космических кораблей при столкновении с консервными банками и прочими отходами человеческой цивилизации. Речь пойдет о другом: что в конечном счете определяет все наше поведение, в том числе и в космическом пространстве.

Поэтому сначала я объясню, что имею в виду под использованными в заголовке терминами. «Экологическая этика» — название определившегося четверть века назад направления философских исследований, начинавшего, действительно, с выяснения наших нравственных реакций на деградацию Природы вокруг нас и в нас самих в результате отеснения процессов органической самоорганизации искусственными процессами псевдорационального толка в ходе экспансии западной технологической цивилизации. Попытка распространения действия человеческой морали на отношения с Природой привела неизбежно к поиску всеобъемлющей этической теории, к обсуждению ее философских основ. Приверженцы этого нового направления подчеркивают чисто философский характер проблем, поставленных современной ситуацией глобального кризиса; речь идет, следовательно, об экологической философии. Термин «экологическая этика» используется вместе с термином «экологическая (или энвайронментальная) философия» еще и потому, что это новое философское направление концентрируется вокруг журнала «Энвайронментальная этика», издаваемого Ю. Харгроувом, и поддерживается международным обществом International Society for Environmental Ethics.

В экологической философии уже есть несколько школ. Мои теоретические симпатии прочно связаны с последователями норвежского философа А. Нейса — «глубинными экологами», которые сегодня называют себя «трансперсональными экологами» (У. Фокс) или «авторами персональных экософских версий глубинной экологии». Я думаю, что именно глубинная экология способна дать адекватный ответ на вызов технологической цивилизации и первых шагов человека в космическом пространстве.

В рамках этой статьи я затрагиваю два значения термина «космизм». В первом случае имеется в виду размах научно-технического прогресса, наглядно выраженный в полетах в космос, раздвижение границ «Империи Человека». Второе значение восходит к древней идее человека-микрокосма — космическое измерение сознания и жизнь человека в созвучии с Вселенскими ритмами. Космическое измерение сознания и жизнь человека в созвучии с Вселенской гармонией означают невообразимой сложности процесс пересмотра фундаментальных принципов, на которых построены западная цивилизация, современное сознание и представление человека о себе самом, своем месте на Земле и в Космосе.

* * *

«...Ибо в призрачном доме сем призрак — ты, сущий, а явь — я, мертвая». Эти слова цветаевской Эвридики, обращенные к Орфею, уже, кажется, может сказать человеку сложная и дорогостоящая Машина, ибо в создаваемой технологической цивилизацией американизированной вселенной мы с вами, живые, чувствующие, страдающие, мучительно размышляющие о смысле жизни, о добре и зле, все

Ермолаева В. Е. — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

больше превращаемся в бессильные тени. Космическая деятельность современного человека показывает это особенно отчетливо: «Человеку, занятому в этой сфере на Земле или совершающему полет в космос, изначально отводилась вспомогательная роль — обслуживание техники, образно говоря, при минимуме блаженства», — пишет космонавт-испытатель С. Кричевский¹.

Восторги по поводу торжества человеческого разума были погашены первыми уроками и первыми почти ритуальными жертвами космических полетов. Но идея — исчерпаем (читай — разорим) Землю, полетим на другие планеты или перенесем в космос вредные для Земли производства — остается контекстом экономической политики развитых стран. Я хотела бы еще раз обратить внимание и на то широко известное обстоятельство, что космические полеты стали возможны прежде всего потому, что в них были заинтересованы военно-промышленные комплексы. Совершенствование средств ведения войны с седой старины стимулировало человеческую изобретательность. В век НТР в создание средств массового уничтожения оттягивается особенно много сил общества, прежде всего интеллектуальных. Жизнь в обществе организована так, что мы озабочены преимущественно тем, как уничтожить себе подобных. Как известно, уже достигнута возможность тотального уничтожения не только всех, ныне живущих, но и самой планеты. Что-то знакомое стало проглядывать сквозь туманные кошмары Апокалипсиса, вспомнились забытые предупреждения ученых (например, мысли Д. Милля о недопустимости посягательства на разложение атомов вещества).

Почему космический размах НТР оборачивается безумием, тупиком, в конечном счете самоубийством? Отечественный исследователь В. Комиссаров приводит следующие доводы:

1. Техническое усложнение космических систем ведет к увеличению вероятности их аварии и риска для жизни человека в этих системах.

2. При полетах в космос происходят «странные» выходы дорогостоящих аппаратов («Фобос», «Салют», спутники, посадочный модуль США на Луне и т. д.) из-под контроля управления которые трудно объяснимы с технических позиций.

3. Медико-биологическое изучение человека в длительных космических полетах ставит под сомнение возможность его существования вне Земли более 1,5 лет, так как происходит изменение водно-солевого баланса в организме, наблюдаются истончение костей, последствия радиоактивного облучения, психологические изменения и т. д. Новейшие данные по изучению биоклеток в измененных геомагнитных условиях (доклад В. Казначеева на 15-ых Циолковских чтениях), которые моделируют условия планет Солнечной системы, и некоторые другие данные (информация внеземного происхождения) свидетельствуют о том, что техническая система с биообъектом на борту в условиях другой планеты будет вести себя иначе, чем на Земле. Измененный пространственно-временной континуум требует аналогичного изменения со стороны земной системы, иначе полученная информация не будет объективной, так как задана параметрами Земли, а не изучаемой планеты. Реальна угроза для жизни космонавта за пределами влияния геомагнитного поля Земли.

4. На фоне острейших социально-экономических проблем цивилизации увеличиваются материальные затраты на освоение космоса без ощутимой отдачи для каждого человека.

5. Увеличение массы выводимого на орбиту Земли груза и частота полетов с использованием мощных энергодвигателей приводят к нарушению экологического баланса атмосферы: прожигается озоновый слой, перемешивается и загрязняется воздушный бассейн².

Можно добавить к этому экологические бедствия обширных зон вокруг космодромов и многое другое.

Развернувшиеся дискуссии о причинах самоубийственного характера НТР заново доказали актуальнейшее значение в человеческой жизни фундаментальных философских вопросов о природе Человека и природе самой Природы. Они привели к выводу об исчерпанности и даже порочности господствующей сейчас субъект-объектной парадигмы знания, лежащей в основе технологического, орудийного отношения человека к природе. В насыщенной критическими парами философской атмосфере пролились первые благодатные дожди: началось обсуждение целостного, недуалистического мировоззрения, парадигмы знания, основанного на идеях всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости и практике ненасилия, известной из недавнего политического прошлого Индии. Однако пока обсуждение альтернативных ценностных основ цивилизации XXI века остается занятием немногих, к которым и

¹ См. Кричевский С. Космонавтика и гражданское общество. «Общественные науки и современность», 1995, № 2, с. 152. Автор ссылается на идею К. Циолковского о блаженстве каждого как цели развития человечества, где блаженство понимается, скорее, как отсутствие страдания.

² Комиссаров В. С. Нетрадиционная космонавтика. «Алтай. Космос. Микрокосм», Барнаул, 1993, с. 142—143.

относятся представители экологической философии — философии отношений с природной средой. Облик нашего мира определяет НТР, и он все меньше отвечает живой воле человека к добру.

Технологическая цивилизация как предельно инструментальное отношение к природе реализует, после утраты духовных скреп человеческого общества, стремление *Homo sapiens* к размножению, распространению и процветанию главным образом как биологического вида и поэтому за счет всей остальной природы (вспомним стаи саранчи). При этом мощное орудие духовной природы — рациональное мышление (явно подлежащее контролю доброй волей) — используется в нарастающей степени для нейтрализации тех биологических рычагов, которые удерживают виды от переполнения экологической ниши и обеспечивают сразу и разнообразие, и единство, и устойчивость биосферы, т. е. гармонию в природе и соответствие Вселенским ритмам нашей планеты. Так называемый «человек разумный» реализует сейчас с большой изворотливостью и геологической мощью отнюдь не возможности космического разума или Высшей воли, а цепкие и неудержимые импульсы амебы, саранчи, крысы, принося в жертву все духовные завоевания, весь божественный мир культуры, все врожденные потребности души. Натренированный в подавлении биологических рычагов гармонии и в создании мертвой искусственной среды обитания интеллект все больше превращается в угрозу биологическому виду, инстинктам которого следовало: вода, воздух, пища теряют естественные свойства и провоцируют болезни; деградирует генофонд серьезное опасение вызывает не только физическое, но и психическое здоровье людей, особенно в крупных агломерациях.

«...Человечеству,— пишет К. Юнг,— стало слишком тесно на Земле, и оно хотело бы покинуть свою тюрьму, где ему угрожают не только водородная бомба, но — еще серьезнее — и лавинообразный рост численности населения, дающий повод для серьезной озабоченности. Последнее — проблема, о которой неохотно говорят или только с оптимистическим указанием на необозримые возможности интенсивного производства продуктов, как будто бы это больше, чем простая отсрочка окончательного решения!.. Фактически жизненное пространство человечества в возрастающей степени сужается, а для ряда народов оптимум уже давно пройден. Опасность катастрофы растет пропорционально концентрации растущего населения»³.

Аппетиты НТР к пространству, энергии, веществу непомерны (и, может быть, также непомерны к поглощению нашего живого времени). Член-корреспондент РАН Н. Кардашов еще 30 лет назад связывал уровни развития цивилизации с масштабами потребления энергии — сначала только планеты, затем всей Солнечной системы, в последующем Галактики и т. д. Но уже на самом низшем по этой шкале уровне технологическая цивилизация обнаруживает предел своего собственного развития, особенно очевидный с началом эры освоения космоса. Расширяющаяся «Империя Человека» открыто проявляет свою суть «империи-не-для-человека» и даже «против-человека», и на ее лице начинают проступать признаки скорой смерти.

Так выглядит, на мой взгляд, космическая суть современной НТР. Космизм (в первом смысле) играет роковую роль для своих собственных фундаментальных ценностных оснований. В то же время он оказал человечеству неоценимую услугу не только тем, что отчетливо прояснил характер и последствия технологического отношения к бытию, но и тем, что поставил человека в экзистенциальную ситуацию «внеаходимости» (понятие М. Бахтина) относительно родной планеты.

Известны многие примеры, когда всезнающее бессознательное посылает нам отчетливые космические видения. Я могу присоединить к ним свой сон: иду по пыльной дороге на Луне, а на черном близком горизонте встает, занимая его почти весь, огромный голубой диск Земли, и душа моя сжимается непередаваемой тоской... Все, кого посещали космические видения, свидетельствуют, что вид Земли из космоса потрясает и переворачивает душу. Не о том ли рассказывают космонавты и астронавты, для которых устройство Вселенной имеет все достоинства очевидности и наглядности? Но тем отчетливее становится наша сегодняшняя реальность: как заметил в своих воспоминаниях Юнг, после космических видений кажется, что трехмерный мир городов построен искусственным образом, каждый человек в нем сидит в своей маленькой коробке (или висит, добавлю я, на n-ом этаже). И все это очень напоминает тюрьму⁴.

* * *

Термин «глубинная экология» был предложен Нейсом в 1973 году в статье «Поверхностное и глубинное долговременное экологическое движение. Итоги»⁵ и связан, согласно объяснению автора, с уровнем постановки вопросов: «...Мы спрашиваем, как и почему там, где не спрашивают другие...

³ Юнг К. Г. Один современный миф. М., 1993, с. 89.

⁴ См. Jung C. G. *Memories, Dreams, Reflections*. New York, 1963, p. 430.

⁵ См. Naess A. *The Shallow and The Deep Long-Range Ecology Movements. A Summary*. «Inquire» Oslo, 1973, № 16.

Почему, например, принято думать, что экономический рост и высокий уровень потребления столь важны?.. В глубинной экологии мы спрашиваем, удовлетворяет ли современное общество фундаментальные потребности людей в любви, безопасности и возможности общаться с природой... Мы ставим под вопрос базисные принципы нашего общества»⁶. При этом глубинные экологи не чувствуют себя ограниченными рамками науки, поскольку именно на такие жизненно важные вопросы фрагментарная и в принципе неполная западная наука не может дать никакого ответа.

Более глубокая постановка вопросов позволяет понять, какие базисные предпосылки лежат в основе господствующих ныне экономического и технократического подходов, формулируя их на языке ценностных приоритетов, философии и религии, и предложить альтернативный подход с позиций более зрелой ступени человеческого духа.

Глубинно-экологический подход — это принципиальный сдвиг центра нашего внимания с искусственного мира, созданного интеллектом и машиной, к миру Природы. Этот сдвиг влечет развитие сознания, способного охватить естественный мир в его внутренней ценности, независимой от человека, когда речь идет о природе вокруг нас, и независимой от Эго-сознания, когда речь идет о нашей внутренней природе. Глубинная экология не ориентирует ни на аксиологию природной среды, ни на теорию этики отношений с ней, ни на реформу существующей практики. Она ориентирует нас на изменение привычного смысла нашей персональной идентификации — на развитие самопознания, пока наше Эго не станет подлинным Я, т. е. пока мы не осознаем с помощью углубляющейся экологической чувствительности, что каждый из нас создан в единстве с миром природы и что защита природного мира есть защита себя. Как пишет один из известных глубинных экологов Дж. Сешенс, «субъект-объектное различие исчезает — человек оказывается по ту сторону всех концептуальных знаний и испытывает слияние сознания со всей природой. Только на этом уровне существует понимание; все другие формы «знания» включают все более неадекватные идеи, основанные на воображении. В конце концов человек приходит к прямому непосредственному восприятию, исключающему все попытки концептуализации абсолютной уникальности каждой индивидуальной вещи»⁷.

Именно это прямое, интуитивное схватывание целостности природы и внутренней уникальности каждой индивидуальности — от крошечной твари до экосистем и космического порядка вещей — глубинные экологи называют объективным неантропоцентричным пониманием по контрасту с субъективистским антропоцентризмом, характерным для нашей доминирующей культурной традиции.

Глубинная экология — не теория и не система, это подход, путь, практика, противопоставляющая себя доминирующему мировоззрению. Взгляд на мир с позиций технологической цивилизации влечет к господству над природой, над средой обитания как ресурсами для человека, определяет неограниченный экономический рост ради увеличения человеческой популяции, внушает веру в неисчерпаемость природных ресурсов, в научно-технический прогресс и его возможности. Потребительство как преобладающее настроение обуславливает объединение людей в сообщества, организованные по национальному признаку.

Глубинно-экологический подход ведет к целостному взгляду на мир, обуславливающему гармонию с природой, признание внутренней ее ценности, биосферного равенства существ, предполагает «изящно простые» материальные потребности, самоограничение ради сохранения Земли, адекватную технологию, недоминирующую науку, учитывающую традиции меньшинства и биорегиональные отношения.

Вопрос о новом образе науки — один из самых сложных. Мы говорим сейчас о смене дуалистической и атомистской субъект-объектной парадигмы науки Нового времени недуалистической холистской парадигмой, предлагаемой экологией и квантовой физикой. Однако контуры новой гносеологии пока не очень определены. Совершенно очевидно только, что современная наука вышла за прежние методологические рамки, и то, что ею сейчас предлагается, используется также и глубинной экологией при формулировке платформы (базисных принципов), на которую опирается все движение.

Принципы, разделяемые всеми глубинными экологами, скрепляющие разнообразие индивидуальных экософских версий, опираются, конечно, не только на данные экологии, но и на базисные интуиции, на опыт переживания (восприятия) себя и природы, который Нейс называет океаническим или религиозным чувством.

⁶ Interview with Arne Naess.. The Environmental Ethics and Policy Book. Belmont, 1944, pp. 220—221. Здесь я должна сразу оговориться, что точный перевод английского термина *deep ecology* — глубокая, а не глубинная экология. Мой перевод «глубинная» (сейчас, кажется, принятый у нас всеми) следовал первичной интуиции о связи этого течения в экологической философии с глубинной психологией. Это интуитивное представление затем полностью подтвердилось предложением Фокса переименовать «глубинную экологию» в «трансперсональную экологию», о чем пойдет речь позже.

⁷ Devall B., Sessions G. *Deep Ecology*. Salt Lake City, 1985, p. 239.

К этим принципам относятся следующие:

1. Развертывание всех форм жизни на Земле ценно само по себе, независимо от их пользы для человечества.
2. Богатство и разнообразие форм жизни ценны сами по себе.
3. Люди не имеют права уменьшать богатство и разнообразие жизни за исключением случаев удовлетворения жизненно важных потребностей,
4. Расцвет человеческой жизни и культуры возможен только при существенном снижении человеческой популяции. Такого снижения требует развертывание других форм жизни.
5. Чрезмерность нынешнего вторжения человека в нечеловеческий мир стремительно нарастает.
6. Необходимо изменение политики и базисных экономических, технологических и идеологических структур.
7. Изменение заключается в отказе от приверженности все более высоким стандартам жизни, в оценке *качества* человеческой жизни с точки зрения ее сопричастности жизни Природы, реализации ее внутренней ценности.

8. Те, кто готов принять эти принципы, должны прямо или косвенно пытаться воплотить их в жизнь.⁸

Глубинная экология оценивает современную ситуацию как угрозу выживанию человечества даже в случае отказа от ядерного оружия. Деградация окружающей среды и исчезновение многих биологических видов поколебали доверие к этосу прогресса — постоянному росту популяции, потреблению и технологической мощи человека. В отличие от экологов-реформаторов, надеющихся на небольшой «ремонт» нашей системы, глубинные экологи считают, что только радикальный сдвиг в фундаментальных отношениях человека к природе может изменить наши приоритеты и практику, позволит человечеству выжить. Это и есть самый важный и трудный вопрос из поднятых глубинной экологией: мы должны измениться на пути к подлинно экологическому типу восприятия, мышления и практики.

Издавна люди культивируют экологическое сознание в контексте различных духовных традиций — христианства, даосизма, буддизма, философии Б. Спинозы или А. Уайтхеда, Нагарджуны или Шри Ауробиндо, в традициях высокого искусства или ритуалов аборигенов и т. д. Все эти чрезвычайно различные традиции согласуются с базисными принципами глубинной экологии и ее центральной интуицией: мы не можем провести бесспорных онтологических границ в поле существования, реальность не раздваивается на царство людей и нечеловеческий мир.

Отсюда следуют две наиболее общие нормы глубинного экологического сознания — самореализация и биоцентричный эгалитаризм, которые не требуют доказательства в рамках современной науки, как и все наиболее важные для человека убеждения. Эти нормы появляются в процессе глубинной постановки вопросов, в процессе движения к философскому или религиозному уровню мудрости⁹.

В полном согласии с духовными традициями многих мировых религий норма самореализации выводит за пределы современного западного понимания Я как изолированного Эго, стремящегося к гедонистическому удовольствию, рациональному вычислению возможностей или к нормативной оценке собственных действий. Этот социально запрограммированный смысл Я дезориентирует нас, превращая в жертву скоро преходящих нравов или преобладающих взглядов, лишая нас изначально стремления реализовать уникальность собственной личности. Духовный рост и расцвет начинаются тогда, когда мы перестаем воспринимать себя как изолированных и конкурирующих Эго и начинаем идентифицироваться с другими людьми. Но глубинный экологический смысл Я требует дальнейшего процесса идентификации до опыта переживания всего нечеловеческого мира — растений, животных, климата, биосферы, всей планеты в целом — как части самого себя. Идентификация — нарастающее ощущение общности, связи и включенности во все остальное творение. И только на этом пути у человека есть надежда достичь зрелости сознания.

Подобно тому, как в некоторых версиях христианстве никто не спасется, пока не спасутся все, как в буддийской религиозной традиции никто никогда не достигнет нирванны, ибо в нирване должен оказаться и весь остальной мир, самореализация — это активное состояние, процесс, а не итог или достигнутая цель. Нейсовская самореализация, или культивирование экологического сознания (Фокс называет этот процесс «трансперсональным»), — самая суть, сердце глубинной экологии. По словам А. Мак-Лауфлина, «приверженность глубинной экологии развитию Я возвращает нас к исходному пункту греческой философии — развитию характере. Философия выталкивается этим за границы, в

⁸ Восемь принципов глубинной экологии были впервые сформулированы Нейсом (см. Naess A. Op. cit.), а затем подробно развиты Диволом и Сешенсом (см. Devall B., Sessions G. Op. cit.).

⁹ См. Devall B., Sessions G. Op. cit.

которых замкнулась в XX столетии. Наиболее важным оказывается нормативный вопрос, каким я должен быть, а не более абстрактный и неперсональный о природе ценности, структуре морального доказательства и т. д.»¹⁰.

Норма самореализации («реализуй свое Я!») предполагает, что наибольшая зрелость человеческой личности гарантирует красивое поведение. Нейс использует здесь кантовское различие хороших поступков, одни из которых совершаются по склонности, другие — по долгу. Первые И. Кант называет красивыми, но истинно моральными считает только вторые, природа которых отчетливо обнаруживается в действиях вопреки склонности. Нейс, напротив, отдает предпочтение именно красивым поступкам, связывая их с идеей самореализации. Для него успех благих поступков зависит не столько от изучения морального закона, сколько от широты идентификации личности¹¹.

Вторая важнейшая интуиция глубинной экологии — интуиция биоцентричного равенства. Согласно этому представлению, все сущее в биосфере имеет одинаковые права на жизнь, на достижение собственных индивидуальных форм расцвета и самореализации внутри более обширной Самореализации Земли. Все организмы и существа имеют одинаковую внутреннюю ценность как части взаимосвязанного целого, хотя в процессе жизни и используют друг друга (в качестве пищи, приюта и т. д.). Взаимное хищничество — биологический факт жизни, и многие из мировых религий борются с его духовными последствиями. Биоцентричное равенство тем не менее побуждает нас уважать все человеческие и нечеловеческие индивидуальности, не устанавливая иерархию видов во главе с человеком. О. Леопольд хорошо выразил это, сказав: люди — простые граждане биотического сообщества, а не властители и не хозяева всех других видов.

Биоцентричное равенство теснейшим образом связано с наибольшей из возможных в этом мире самореализаций человека, ибо нанося вред Природе, мы вредим самим себе. Все взаимосвязано, и любые границы условны. Мы должны, следовательно, жить с минимумом, а не максимумом воздействия на другие виды и на Землю вообще.

Наши жизненные материальные потребности гораздо более просты, чем многие представляют себе. В технократических индустриальных обществах пропаганда и реклама создают ложные потребности и деструктивные желания с целью увеличения производства и потребления товаров. Большинство из них лишь мешает нам начать «реальную работу» по достижению духовной зрелости. Однако уже сейчас многие люди испытывают потребность в здоровом и красивом природном окружении, лишенном токсических загрязнений, радиации, кислотных дождей и т. п., со свободно расцветающей дикой жизнью, к истокам которой человек может прикоснуться, с естественными ритмами, потоками времени и пространства.

«Принцип биосферного эгалитаризма» так же, как и реализация максимально широкого смысла Я, связан с процессом идентификации. Глубинные экологи выделяют по меньшей мере два типа идентификации: персональную и космическую. Фокс называет их персональной и трансперсональной, причем в трансперсональной выделяет онтологическую и космологическую¹². Персональная идентификация, разумеется, чрезвычайно важна для развития человека, однако в этой форме (я—моя семья—мои друзья и т. д.) таится много опасностей. Трансперсональная идентификация противостоит разрушительным тенденциям эгоистических форм идентификации. Она не избирательна, ибо предполагает идентификацию со всем, что существует, и направлена на непосредственное переживание всего существующего как «единства в процессе».

Онтологическая идентификация, по Фоксу, основывается на глубоком чувстве удивления перед тем фактом, что вещи есть, на чувстве общности существования. Космологическая же идентификация распространяет благоговение и изумление, испытываемые перед существованием как таковым, до осознания или интуиции единства всей развертывающейся реальности. Она может возникать в процессе слияния мифологической, религиозной и философской (или научной) космологии.

Космическая, или трансперсональная, идентификация в обоих ее аспектах возникает у космонавтов и астронавтов, когда перед их глазами со всей достоверностью и наглядностью разворачиваются картины вселенского миропорядка. Интеграция персональных и трансперсональных форм идентификации ведет к духовному преобразению человека. Космическая идентификация приводит к постоянному интересу и дружественному расположению ко всему существующему, к постоянной

¹⁰ Laughlin A. Mc. *The Critique of Humanity and Nature. Free Recent Philosophical Reflections.* The Trumpeter. Victoria, 1987, Vol. 4, № 4, pp. 5—6.

¹¹ См. Naess A. *Ecology, Community and Life Style.* Cambridge, 1989.

¹² См. Fox W. *Toward a Transpersonal Ecology: Developing New Foundations for Environmentalism.* Boston, 1990.

симпатии, доброй воле и доверию, к постоянной готовности оказать помощь и поддержку, что отнюдь не исключает твердой воли и необходимой критичности. Ибо неизбирательный смысл идентификации может поставить нас в ситуацию, когда необходимо положить конец разрушениям, причиняемым отдельной особью или даже целой формой жизни.

Личностные формы идентификации не могут остановить ни процесс нашего саморазрушения, ни процесс разрушения Земли. Это возможно только при интеграции личностных и трансперсональных форм. Наше «красивое», экологически правильное поведение органически следует из подобной духовной трансформации в процессе обретения полноты нашего Я.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что глубинная экология предлагает не целостную философию природы, а *путь* создания личной экософии. В такой личной версии знание о природе, полученное западной наукой, прежде всего экологией, и знание о человеке и его душе, полученное как на Востоке (даосизм, дзэн-буддизм и т. д.), так и на Западе (аналитическая психология Юнга, трансперсональная психология и т. д.), сплетаются с опытом переживания самой широкой из возможных, т. е. космической, идентификации. Для глубинных экологов все существа как «аспекты» единой развертывающейся реальности не являются ни принципиально идентичными, ни абсолютно автономными. Они относительно автономны, о чем свидетельствуют экология, физика, эволюционная биология и современные исследования аутопоэтических систем и диссипативных структур.

Глубинный смысл круга идей, складывающихся сегодня вокруг глобального экологического кризиса, заключается в поисках гармонии между наделенной самосознанием и, как принято считать, «бессознательной» частями Земли, возвращение последней ее подлинной ценности и достоинства, а человечеству — уважения к себе.

© В. Ермолаева, 1995